

Религиоведение. 2024. № 1. С. 151–159.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2024. No. 1. P. 151–159.

DOI: 10.22250/20728662_2024_1_151

Бязрова Д.Б.

Северо-Осетинский государственный университет
362025, Россия, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46
j.byzrowa@yandex.ru

Этические основания религиозных мотивов в творчестве В.Г. Распутина и В.М. Шукшина

Аннотация. Религиозная тематика всегда присутствовала в отечественной культурной традиции. В советский период отношение к ней варьировалось от остракизма до подлинного интереса. Её востребованность деревенской прозой, к которой принадлежат В.Г. Распутин и В.М. Шукшин, обусловлена проблемами в социальной области, а также понижением духовно-нравственного потенциала общества. Выбор автором статьи данных писателей для анализа заявленной темы определяется особенностью их позиций, во многом несовпадающих. Для В.Г. Распутина вера в Бога, как решающий фактор нравственной жизни, не вызывает сомнений. Его герои, ограниченные рамками десакрализованного мира, выпадают и из морально-нравственного пространства. Религиозность для него есть возможность сохранения человеческого в человеке. Для героев В.М. Шукшина Бог – понятие искомое. Его размышления о связи нравственности с верой в Бога нельзя назвать завершёнными. В его произведениях много душевных героев, но мало духовных. Однако душевные переживания героев его произведений – индикатор сдвига человека на ступеньку выше – от души к духу. И у В.М. Шукшина, и у В.Г. Распутина особое место занимает природа, соответственно, как необходимая подпитка, обеспечивающая прочность бытия, и как необходимый этап к миру божественному. Вопросы о соотношении тела, души и духа решаются, преимущественно, в дуалистическом ключе. Однако в онтологически ориентированных рассказах Распутина можно усмотреть и заявления о триедином подходе.

Ключевые слова: деревенская проза, этикоцентричность русской культуры, В.Г. Распутин, вера в Бога как критерий нравственной жизнеспособности человека, природа как ступенька к миру Божьему, В.М. Шукшин, душа

Juliet B. Byazrova

North Ossetian State University
46 Vatutina St., Vladikavkaz, 362025, Russia
j.byzrowa@yandex.ru

Ethical Foundations of Religious Motives in the Works of V.G. Rasputin and V.M. Shukshin

Abstract. Religious themes have always been present in the national cultural tradition. During the Soviet period, they ranged from ostracism to indifference and genuine interest. The demand for rural prose, which includes works by V.G. Rasputin and V.M. Shukshin, is due to social issues, as well as a decrease in spiritual and moral awareness in society. The selection of these writers for the author's analysis of the topic is determined by their unique perspectives, which are often inconsistent. For V.G. Rasputin, faith in God is an essential factor in his moral life. His characters are limited by the desecrated world and also fall outside of the moral framework. For him, religiousness is an opportunity to maintain the human in each person. In contrast, V.M. Shukshin's protagonists seek God. Shukshin's reflections on morality and faith are not fully developed. There are many spiritual heroes in his works, but very few spiritual ones. However, the emotional experiences of these heroes are an indicator that a person is moving one step up – from the soul to the spirit. The nature of both V.M. Shukshin and V.G. Rasputin occupies a special place as essential nourishment, providing strength, and as necessary to move to the divine world. The questions about the relationship between body, soul, and spirit are mostly solved in a dualistic manner. However, in Rasputin's ontologically-oriented stories, one can see statements about a three-part approach.

Key words: rural prose, ethic-centrism of Russian culture, V.G. Rasputin, belief in God as a criterion for human moral viability, nature as the path to the world of god, V.M. Shukshin, soul

Введение

Одной из задач современного периода духовной жизни российского общества является восстановление преемственности в истории Отечества. В отличие от материально-производственной сферы, где связь идеологически противоположных времён очевидна даже при смене форм собственности, область культуры, в её широком понимании, пронизана дискуссией на эту тему, варьирующейся от необходимости компромисса до невозможности достичь единства в этой области. Функционально субъектами выстраивания исторически-временных связей являются государство, определяющее, преимущественно, идеологию, а также различные социальные институты культуры, в структуре которой религиозный и морально-нравственный компоненты, отвечающие за формирование ценностей, занимают существенное место. Идеологический и ценностный подходы, обладая каждый своей спецификой, являются, вместе с тем, функционально соизмеримыми. Идеология занята преимущественно созданием вертикальных отношений (между гражданином и государством), а аксиология создаёт солидарные связи на уровне горизонтальном. Обе формы содействуют удержанию связующих нитей между прошлым, настоящим и будущим.

В отечественной публицистике, философии и политологии, озабоченной поисками идей, интегрирующих общество, было немало попыток заместить идеологию политизированной религией, что противоречит «главным назначениям этих форм общественного сознания» [Бязрова, 2022, 147]. Попытки государственных структур взять в союзники религию в процессе собирания социальной жизни, опереться на её авторитет, объяснимы и понятны. Однако успех этой синергии зависит от авторитета взаимодействующих структур, по отношению к которым в обществе (или его немалой части) сформировался скепсис, доходящий до своеобразного нигилизма. Суть его заключается в противопоставлении государственных структур и Отечества (Родины). Родину, Отечество любят, но к государству скорее отношение негативное. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении религии. Вера в Бога приветствуется, а религия как социальный институт отвергается. Смещение акцентов с императивного принципа (принципа долга и ответственности) на индивидуалистический «принцип удовольствия», наиболее широко распространённый среди «особенной» молодёжи, объясняет философ, политолог и публицист А.С. Панарин. Он пишет: «“Поколение труда” в социальном и духовном смысле представляет низовую культуру народа, живущего “принципом реальности”, ибо тяготы реальности не на кого переложить; “поколение досуга”, напротив, тянется к господской сибаритской культуре с её “принципами удовольствия”» [Панарин, 2003]. Религия с её аскетической традицией, защитой традиционных ценностей, противостоящих экзистенциальным угрозам, является «важнейшим союзником “принципа реальности” ибо учит о том, что рая на земле не бывает, а вера в чудеса – не что иное как языческое богохульство» [Там же].

Избегание тягот жизни и бремени долга в его различных ипостасях описывал ещё Л.Н. Толстой, объясняя причину насаждаемой родителями «тяги» крестьянских детей к образованию. Он осуждал это стремление с моральных позиций, поскольку его практическим результатом была мировоззренческая модификация соискателей учёбы. Оторванные от своих корней, они начинали презирать и своих родителей, и их образ жизни, пополняя когорту лишних, вечно недовольных и раздражённых психологически больных людей. Лучшим исходом для некоторых из них, но не для общества, писал Л.Н. Толстой, была возможность «выйти из своего сословия» и принять участие в эксплуатации народа вместе «с правительством, землевладельцами и капиталистами» [Толстой, 1989, 459].

Религиозная тематика всегда присутствовала в отечественной культурной традиции. Советский период не является исключением. Постановка религиозного вопроса в это время варьировалась от остракизма до подлинного интереса. Вместе с тем эти термины, обозначающие объективные изменения социальной реальности, нельзя рассматривать как последовательно сменяющие друг друга. Сохраняя на себе «отпечатки» конкретного этапа, религиозная мысль была связующим элементом в смене исторических периодов.

Целью статьи является выявление ценностно детерминированных религиозных устремлений в творчестве писателей-деревенщиков, что предполагает анализ их особенностей в творчестве классических (совпадение объекта творчества и корней автора) представителей деревенской прозы и обоснование выбора конкретных писателей.

Дискуссия

Произведения В.Г. Распутина и В.М. Шукшина являются частью «деревенской прозы». Это название объясняется преимущественно объектом художественного творчества, а отчасти – корнями писателей, и охватывает период в истории советской литературы с 1950–1980 годов. Именно на эти годы приходятся реформы Н.С. Хрущёва (1953–1964 гг.), ошеломившего страну и мир ниспровергающей критикой И.В. Сталина. Впоследствии эти годы получили название – «оттепель» или альтернативно – «хрущёвская слякоть» (термин, используемый историком Е.Ю. Спицыным). На время деревенской прозы выпадает также и правление Л.И. Брежнева (1964–1982) – время «застоя» или «покоя» (последнее название периода правления Л.И. Брежнева обязано народному творчеству и противопоставляется зигзагам в экономике в предшествующие периоды). Государственная политика, проводимая в эти годы, не могла не сказаться на состоянии народа, его материальном положении и ценностно-мировоззренческих установках. Так, за 10 лет правления Н.С. Хрущёва «отток колхозного крестьянства в города <...> составил не менее 7 млн человек» [Спицын, 2019, 324]. Их можно назвать и искателями более лёгкой жизни, избегающими тягот крестьянского труда, и людьми, которые покинули деревни из-за невозможности обеспечить необходимый уровень жизни. И то, и другое можно принять в качестве объяснения взрывного оттока населения из деревни в город, взяв второе – за причину, а первое – за следствие. Становление человека, конечно же, предполагает наличие определённых препятствий, ограничений и трудностей. Вне этого личность не формируется. Но если их концентрация такова, что может превышать необходимую норму, то она превращается в фактор, сдерживающий развитие личности, её духовное взросление.

В период «покоя» («застоя») складывались предпосылки событий 1991 года. «Теневая экономика» требовала реабилитации, полученной путём нарушения советского законодательства, собственности, что можно было сделать в процессе легального вхождения во властные структуры. Наличная власть мечтала (вынашивала планы) о соединении, имеющейся у них, власти с собственностью для себя и своих потомков. Происходила как бы латентная параллелизация «верхов» и «низов» в обществе. Все эти процессы не могли не получить своего осмысления в художественной литературе. Актуализация этической проблематики, таким образом, имела предпосылки: с одной стороны, – социальные проблемы, а с другой – понижение духовно-нравственного потенциала общества и человека, связь которых нельзя, разумеется, абсолютизировать без учёта иных факторов.

Деревенская проза унаследовала этикоцентричность русской культуры, для которой характерны поиски смысла жизни, её морально-ценностной составляющей, прояснение вопросов о добре и зле, его метафизических истоков. Поиск «совершенного (абсолютного) добра и справедливости» отделяет «Россию от Запада, где превыше всего ставится не мера добра, справедливости и правды, а призывы к свободе и равенству» [Рачков, 2006, 100–101]. Вопрос о том, что предпочтительнее, не ставится – и не может ставиться в принципе. Но тот факт, что без обращения к религии эта проблема не поднималась, оспорить трудно, как бы она ни решалась. К теме о существовании Бога приходили в процессе размышления о последних основаниях бытия и о природе нравственности, то есть об её истоках. У «деревенщиков» религиозные мотивы «прячутся» за этическим занавесом. Они инспирированы проблемами в морально-нравственной сфере.

В литературоведении понятие мотива не имеет однозначной трактовки. Также не существует ведущего определения. Наиболее точным, по мнению автора статьи, является определение мотива как темы, объединяющей в некую конструкцию художественные компоненты. Важно отметить мысль историка литературы, филолога А.Н. Веселовского о субъектно-объектном характере мотива, о его детермина-

ции глубинным в сознании автора, помимо социокультурного давления конкретного исторического периода [Веселовский, 1989].

Религиозные мотивы в деревенской прозе различны по своему накалу и смыслу. Вера в Бога присутствует и как решающий фактор в деле личностного развития, и как часть культурной среды, в которой безбожная добродетельность вызывала сомнение в своей стойкости и мотивации (аналогично размышлениям Дмитрия Карамазова о том, как быть добродетельным без Бога). Вера в Бога и вера в человека – вот непростые вопросы деревенской прозы, постановка которых осуществлялась в антиконтрадикторной форме.

Первый подход мы находим в творчестве В.Г. Распутина, второй – у В.М. Шукшина. Оба они – классические (наличие совпадения объекта творчества и корней автора) представители «деревенской прозы».

В первой опубликованной работе «Деньги для Марии» В.Г. Распутин даёт нам возможность оценить человеческие поступки по их мотивации, а точнее, через борьбу мотивов: материальный интерес, соответствие социальным этическим нормам (общественное признание или осуждение) и совесть, укреплённая верой в Бога. Внутрличностный конфликт героев повести изложен в описании сна мужа Марии, продавщицы, у которой выявлена недостача и которой односельчане собрали деньги для её покрытия. Собрали больше, чем нужно. Но Мария отказалась брать сверх необходимого, несмотря на уговоры односельчан. Многим она помогала, давала в долг. И тем, кто положил сверх положенной суммы, было предложено забрать лишнее из комнаты, где находились собранные для Марии деньги. Люди поднимались, заходили и возвращались на свои места. Распутин пишет: «Последней идёт Комариха. Кузьма видит, как она вскакивает, оглядываясь, прикрывает за собой дверь. И вдруг ещё там, в музыкальной комнате, раздаётся её крик.

Комариха выбегает, обводит зал обезумевшими глазами и кричит:

– Там их нет! Нет ни копейки! Я хотела взять только рубль.

Зал взрывается от смеха. Люди хватаются за животы, визжат и стонут, показывают друг другу на Комариху пальцами. Комариха стоит посреди зала с открытым ртом и вдруг, не выдержав, тоже начинает смеяться» [Распутин, 1967, 23]. Автор показывает здесь поведение людей в двух ситуациях: «на миру» и один на один со своей совестью (в комнате никого нет, только ёмкость с деньгами). В первой ситуации (на виду у всех, «на миру») человек хочет казаться лучше, чище в глазах окружающих, достойнее. Каждый уговаривал Марию взять всю собранную для неё сумму. Во втором случае необходимость казаться отпадает, с совестью договариваются, она молчит (Комариха хотела взять только один рубль, другие, видимо, больше). Вера в высшего духовного цензора (Бога) и понятие греха, также, как и страха, отсутствуют. Нещадно, без какой-либо скидки на родной ему менталитет, писатель описывает сцену – реакцию зала (смех) на результат очередного последнего похода за «излишками» денег. Смех – это психологическая разрядка в ожидании итога, которого можно было бы избежать, не поддавшись искушению. «Смех – это не свобода, а освобождение; разница для мысли очень важная. <...> Конкретный опыт смеха заставляет нас переживать особые моменты несвободы, специфические именно для смеха» [Аверинцев, 1992, 7]. Речь идёт о несвободе интеллектуально-духовной, о людях, чьи представления заведомо ограничены рамками десакрализованного мира. Свобода для В.Г. Распутина вне веры в Бога может принимать формы внеморальной свободы. Такую свободу он не признает.

Этой повестью В.Г. Распутин недвусмысленно заявляет, что в ситуации конкуренции внутреннего (совести) и внешнего (моральные нормы общества) первое проигрывает, если не опирается на веру в Бога. Религиозность здесь рассматривается как гарантия сохранения в человеке человечности.

Для В.Г. Распутина религия и как социальный институт, и как вера необходимы, чтобы люди не потеряли совесть, волю к жизни и любовь к Отечеству [Распутин, 2015]. Для него вера в Бога – один из критериев морально-нравственной состоятельности человека. Именно она делает его поистине свободным. Историю православия в России он не отделял от становления духовной культуры российского государства. «Выбор, сделанный 1000 лет назад князем Владимиром Святославовичем, – пишет

он, – имел для нашей Родины столь огромные последствия, что у нас сегодня нет возможности приблизиться к их полному осознанию. Это можно сравнить с тем, что, имея землю, Русь получила небо, а славянин, имея тело, получил душу» [Распутин, 2015, 71]. При сравнении православия с католичеством, а также с другими религиями, писатель всегда подчёркивал лишь их особенность, которая обусловлена объективными факторами и никогда не ставил этот вопрос в контексте иерархической нравственной окраски. Образно он рассматривал католичество и православие как сводных братьев, имеющих разных отцов и различающихся как форма и содержание [Там же, 74]. Приводил примеры о терпимости православия к язычеству. Анализируя религиозный раскол в России, настаивал на его морально-нравственных, мировоззренческих основаниях, не укладываясь только в церковно-религиозные формальные рамки. «Книжную справку» рассматривал лишь как повод для раскола. Достижения раскольников в организации хозяйственной деятельности выводил из православной трудовой этики, для которой характерно «братство и общинность», «обязательная взаимоподдержка, спаянность и культ труда» [Распутин, 2015, 79]. Рост экономики ставил в зависимость от духовных ценностей старообрядцев. С В.Г. Распутиным солидарен в этом вопросе исследователь традиций старообрядчества российских поморов Д.С. Ермолин [Ермолин, 2022].

В.Г. Распутин, для которого этические вопросы увязаны с религией, не мог не озадачиться метафизическими основаниями бытия. В 80-х годах в творчестве русского писателя «онтологические», «экзистенциальные» вопросы «становятся неким стержнем произведений», – подчёркивает аналитик его творчества И.В. Попова. «На передний план, – пишет она, – выдвигаются мотивы ощущения человеком многомерности бытия, скрытого смысла жизни, мотивы тоски, печали по миру Божьему, ограниченности человеческого знания и номинативного слова, единства в человеке сознательного и бессознательного начал, иррациональности глубин человеческого подсознания» [Попова, 2002, 79]. Именно на этот период приходится крещение В.Г. Распутина в православие (1980 год), когда ему было уже 43 года. Думается, что совпадение трансцендентальной проблематики с осознанным выбором русского писателя нельзя считать случайным.

И.В. Попова, анализируя этот период творчества В.Г. Распутина, говорит о становлении «авторской» прозы, то есть о максимальном сближении мировоззренческих позиций автора и героев его творчества [Там же, 84]. В рассказе «Что передать вороне» он описывает состояние действующего лица, открывшего для себя качественно иной, «отстоящий» от него мир, внутри которого он «очутился совершенно случайно» и который по своим характеристикам противоположен тяжести материального мира [Распутин, 1981, 15]. Устами Сани из рассказа «Век живи – век люби» подчёркивает огромную неизъяснимость иного мира, как тайны, лишь намекающей на исполнение какого-то высшего замысла и определяющей, способен ли герой на его воплощение [Распутин, 1884]. Необходимо подчеркнуть, что понятие «нематериальности», «сверхестественности» иного мира отражает у В.Г. Распутина не результат естественного эволюционного процесса, а творение Бога. На это указывает венчающая рассказ «Что передать вороне» фраза «Господи, поверь в нас: мы одиноки» [Распутин, 1981, 18].

Важнейшее место в деревенской прозе занимает природа. Она пронизывает собой и этическую, и онтологическую проблематику. Ею вдохновляются сами писатели-деревенщики. Ей обязаны, подчёркивает В.Г. Распутин, своим существованием «обе культуры, народная и дворянская», природа была «древнее и знатнее любого старинного прославленного рода, просиявшего в российской истории» [Распутин, 2015, 593]. Природа и человек в деревенской прозе представляют собой единое целое. При этом природе, а не человеку, придаётся приоритетное значение и в аксиологическом плане. По мысли В.Г. Распутина, природа сама по себе, без вмешательства человека не может быть безнравственной. Ей человек обязан своим моральным состоянием, удержанием в благоразумных рамках нравственности.

У В.М. Шукшина природа и человек взаимозависимые страдательные субстанции, вопрошающие о своём предназначении. В рассказе «Залётный» Саня, смертельно больной человек, переехавший из города в деревню, в последние ми-

нуты своей жизни просит принести ему веточку малины, что растёт под плетнём. «Сходи, Филипп... дай веточку малины... под плетнём растёт. Только пыль не стряхни... Принеси» [Шукшин, 1992, 485]. Не о Боге его мысли и чувства в последние минуты жизни, а о веточке малины со следами пыли. К Богу он обращается с мольбой дать ему хотя бы полгода для того, чтобы нарадоваться созерцанием природной красоты во всем её разнообразии и противоречии. О природе его мысли, но и природа нуждается в человеке, поскольку она создала человека для того, чтобы познать саму себя, но эта попытка оказалась бесплодной из-за неизбежной смертности человека [Там же]. Герой одноимённого рассказа В.М. Шукшина Стёпка совершает побег из тюрьмы, чтобы только свидеться с деревней (малой Родиной). Поступок его противоречит здравому смыслу. До конца срока оставалось три месяца. Но Стёпку замутили сны. Каждую ночь снилась ему деревня. После побега прибавили ещё два года, но свидание с малой Родиной, как подчёркивает сам герой рассказа, подкрепили его душевные силы. Теперь он может досидеть спокойно.

И у В.М. Шукшина, и у В.Г. Распутина природа –местилище души (душ), «общее чувствовалище» (термин В.Г. Распутина из рассказа «Что передать вороне?»), подпитывающее человека тем, что необходимо для прочности бытия. Для Распутина она (природа) –необходимый этап к миру Божественному. В очерке о Байкале он пишет: «Быть может, между человеком и Богом стоит природа, и пока не соединившись с нею, не двинешься дальше. Она не пустит. А без её пригласительного участия и препровождения душа не придёт под сень, которой она домогается» [Распутин, 2015, 423]. Понимание природы В.Г. Распутиным переключается с Софией Вл. Соловьева –одушевлённой, оформленной Богом материи.

Надо отметить, что органичное взаимодействие с природой, сродни религиозному чувству, характерно не только для православия, но и для синкретических восточных верований, представители которых наделяют природу не только «антропоморфными чертами», но и «приравнивают к божеству» [Забяко, Цмыкал, 2018, 238].

В.М. Шукшин вопрос о существовании мира, находящегося за природой и до природы, оставляет открытым. Бог у него –понятие искомое. Объективно существует только жизнь, объемлющая всё реально существующее –созданное и несозданное человеком, добро и зло, красивое и уродливое, истину и ложь. Это широкое понимание жизни он вкладывает в уста попа в рассказе «Верую». Поп особый, не сумевший утвердительно ответить на вопрос о существовании вечного добра, вечной справедливости, вечной Высшей силы. А должен был бы по статусу ответить утвердительно. Именно это сомнение в существовании мира горнего, исходящее от попа, принудило визави в рассказе «Верую» назвать его неправильным попом, каких не бывает. Сам В.М. Шукшин в беседе с корреспондентом итальянской газеты «Унита» 17 мая 1974 года говорит, что этот персонаж им «выдуманный» для сшибки «совсем полярных каких-то вещей», «разных представлений о жизни» [Распутин, 1992, 555]. Существуют ли такие попы в действительности? Думается, что в церкви, как и в мире, –неожиданностей хватает.

Незавершённость размышлений В.М. Шукшина относительно реальности божественного мира отчасти согласуется с его принципом –показывать только Правду жизни. «Тот рассказ хорош, –пишет он, –который чудом сохранил это движение, не умертвил жизни, а как бы “пересади” её, не повредив, в наше читательское сознание» [Шукшин, 1985, 578]. Правду с большой буквы он называет нравственностью и увязывает её не просто с талантом писателя, но и с его ценностными принципами: мужеством, честностью и близостью к народу. Народ всегда разберётся, где правда, а где лакировка жизни. Любой краской. Последнее считал недопустимым, безнравственным. В связи с этим, боясь быть заподозренным в искажении действительности, считал необходимым объяснить читателю, почему его герой Гринька Малюгин в одноимённом рассказе совершает героический поступок, рискуя своей жизнью. Думается, что в этом (в объяснении) нет необходимости. В жизни достаточно примеров самоотверженности и альтруизма. Например, офицер российских войск связи С.А. Солнечников погиб, накрыв собой гранату, взрыв которой мог унести жизни многих солдат (Амурская область, 2012 год). Подобные примеры можно продолжить. Поступки обоих героев –и жизненного, и книжного –

инстинктивны (времени «на подумать» не было). Здесь можно говорить о постановке писателем проблемы истока альтруистического нравственного начала в человеке, что требует отдельного анализа, включающего исследование влияния на процесс воспитания изучения духовных основ конкретных исторически складывающихся культур [Воронина, Забияко, Завадская, Пелевина, 2013].

Если человека духовного в понимании православия (духовный – это верующий в Бога) сложно отыскать у В.М. Шукшина, это, скорее, будет – ищущий Бога, то человек душевный – «основное и кричащее» явление в прозе алтайского писателя. «Не было у нас за последние десятилетия другого такого художника, который бы столь уверенно и беспощадно врывается во всякую человеческую душу и предлагал ей проверить, что она есть, в каких просторах и даях она заблудилась, какому поддавалась соблазну, или, напротив, что помогло ей выстоять остаться в верности и чистоте». [Распутин, 2015, 630–631].

В рассказе «Стенька Разин» главный герой Васека меняет одну работу за другой, потому что «души нету в работе» [Шукшин, 1992, 22]. Лёнька из одноименного рассказа болеет душой из-за разлуки с деревней, где есть «горизонт» и «чистое поле» [Шукшин, 1992, 67]. Шорник Антип Калашников из рассказа «Одни» трудится день и ночь ради денег, попускаемый жадной женой. Но душа его – «бессловесная глубокая любовь всей его жизни – балалайка» [Шукшин, 1992, 155]. Мечтает о равновесии в душе Иван Петин в рассказе «Раскас». Наваливается по воскресеньям «нутряная», «едкая тоска» на Максима в рассказе «Верую» [Шукшин, 1992, 538]. У Егора Прокудина из повести «Калина красная» после анонимного свидания с матерью «откровенно болела душа, мучительно ныла, точно жгли её там медленным огнём» [Шукшин, 1985, 439].

В литературоведении некоторые исследователи за героями В.М. Шукшина закрепили характеристику маргиналов, подчёркивая их стремление отстоять право на собственное личное пространство. В этой связи интерес вызывает исследование доктора филологических наук, профессора Амурского государственного университета А.А. Забияко одной из форм маргинализации – юродства [Забияко, 2008].

В рассказах и повестях В.М. Шукшина место отрицателей души (подобно материалистам и позитивистам) занимают обычно люди практически ориентированные, не склонные тратить время на разные пустяки. Очень часто это место занимают жёны страдающих героев, требующих видимых доказательств душевной болезни по аналогии с очевидными симптомами физических недугов. Исключение из этого многочисленного «племени» составляют матери. В.Г. Распутин в статье о В.М. Шукшине даёт объяснение этому феномену.

Причину душевных переживаний своих героев сам В.М. Шукшин объясняет недостатком знаний о вещах сложных, к которым можно отнести и вопросы о смысле жизни отдельного человека и человечества в целом, и вопросы о соответствии человека и человечества правде-нравственности, и о том, существует ли таковая (правда-нравственность) сама по себе так, чтобы ничего не надо добавить к ней или убавить.

Тема обновления человека, его ума, сердца, воли и тела – главная в творчестве обоих писателей. Для обоих утвердительный ответ на вопрос о существовании Бога не исключает работу человека по его созиданию в собственной душе.

Заключение

Выбор автором статьи для анализа заявленной темы творчества данных писателей определяется особенностью их позиций, во многом несовпадающих. Для В.Г. Распутина вера в Бога, как решающий фактор нравственной жизни, не вызывает сомнений. Он рисует ситуации, в которых герои его рассказов, ограниченные рамками десакрализованного мира, выпадают из морально-нравственного пространства. Религиозность для него есть возможность сохранения человеческого в человеке. Для героев В.М. Шукшина Бог – понятие искомое. Его размышления о связи нравственности с верой в Бога нельзя назвать завершёнными. В его произведениях душевных – много, духовных – почти нет. Однако душевные переживания героев его произведений – индикатор сдвига человека от души к духу. И у В.М. Шукшина, и у В.Г. Распутина особое место занимает природа, соответственно, как необходимая

подпитка, обеспечивающая прочность бытия, и как необходимый этап к миру божественному. Вопросы о соотношении тела, души и духа решаются, преимущественно, в дуалистическом ключе. Однако в онтологически ориентированных рассказах Распутина можно усмотреть и заявления о триедином подходе.

Библиографический список

1. Аверинцев, С.С. Бахтин, смех, христианская культура / С.С. Аверинцев // М.М. Бахтин как философ. – М.: Наука, 1992. – С. 7–19.
2. Бязрова, Д.Б. Актуализация проблемы соотношения религиозной и светской морали в ситуации парадигмальной неустойчивости / Д.Б. Бязрова // Религиоведение. – 2022. – № 4. – С. 139–147.
3. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. – 406 с.
4. Ермолин, Д.С. Мир печорских старообрядцев глазами Д.Д. Травкина: конфессиональные границы, ресурсы и трансформации в первой трети XX в. / Д.С. Ермолин // Религиоведение. – 2022. – № 4. – С. 49–54.
5. Забияко, А.А. Юродство как форма литературного поведения / А.А. Забияко // Религиоведение. – 2008. – № 2. – С. 166–178.
6. Забияко, А.А. Религиозные искания дальневосточной эмиграции: метаморфозы этнокультурной идентичности / А.А. Забияко, О.Е. Цмыкал // Религиоведение. – 2018. – № 4. – С. 131–145.
7. Забияко, А.П. Основы религиозных культур и светской этики в Амурской области в контексте общей религиозной ситуации в России и в регионе / А.С. Воронина, А.П. Забияко, Е.А. Завадская, О.В. Пелевина // Религиоведение. – 2013. – № 2. – С. 122–150.
8. Панарин, А.С. О державнике–отце и либеральных носителях «эдипова комплекса» / А.С. Панарин // Газ. «Завтра». – 2003. – № 16 (491).
9. Попова, И.В. Авторская концепция бытия и ее воплощение в поэтике рассказов В. Распутина «Век живи - век люби», «Что передать вороне», «Наташа», «Видение» / И.В. Попова // Вестник ТГУ. – 2002. – выпуск 4 (28). – С. 77–85.
10. Распутин, В.Г. «Век живи - век люби» / В.Г. Распутин «Роман-газета», 1884. – № 17 (999). – С. 1–13.
11. Распутин, В.Г. Деньги для Марии / В. Г. Распутин // Ангара : лит.-художествен. и обществен.-политич. альм. – 1967. – № 4: июль-август. – С. 12–51.
12. Распутин, В.Г. «Из байкальского дневника» / В.Г. Распутин / У нас остаётся Россия: Очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / Сост. Т. И. Маршковой, предисл. В. Я. Курбатова / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – С. 417–448.
13. Распутин, В.Г. Из глубин в глубины / В.Г. Распутин / У нас остаётся Россия: Очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / Сост. Т.И. Маршковой, предисл. В. Я. Курбатова / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – С. 70–83.
14. Распутин, В.Г. «Имеет силу национального пароля» / В.Г. Распутин / У нас остаётся Россия: Очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / Сост. Т.И. Маршковой, предисл. В.Я. Курбатова / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – С. 589–597.
15. Распутин, В.Г. Твой сын, Россия, горячий брат наш... / В.Г. Распутин / У нас остаётся Россия: Очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / Сост. Т.И. Маршковой, предисл. В.Я. Курбатова / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – С. 603–631.
16. Распутин, В.Г. У нас остаётся Россия: Очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / Сост. Т.И. Маршковой, предисл. В.Я. Курбатова / Отв. ред. О.А. Платонов. / В.Г. Распутин. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 1200 с.
17. Распутин, В.Г. «Что передать вороне» / В.Г. Распутин // Сибирь: лит. -художествен. и обществен.-политич. двухмесячник. – 1981. – № 5. – С. 3–18.
18. Рачков, П.А. Правда–справедливость / П.А. Рачков // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – 2006. – № 1. – С. 83–107.
19. Спицын, Е. Хрущёвская слякоть. Советская держава в 1953–1964 годах / Е. Спицын. – М.: Концептуал, 2019. – 592 с.
20. Толстой, Л.Н. О науке / Л.Н. Толстой / Педагогические сочинения / Сост. Н.В. Вейкшман. – М.: Педагогика, 1989. – С. 457–471.
21. Шукшин, В.М. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. Комм. Л. Аннинского, Л. Федосеевой-Шукшиной. – М.: Мол. гвардия, 1992. – 558 с.

22. Шукшин, В.М. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 3. Рассказы 1972–1974 годов. Повести. Публицистика / Сост. Л. Федосеева-Шукшина; Комментар. Л. Аннинского, Л. Федосеевой-Шукшиной. – М.: Мол. гвардия, 1985. – 671 с.

Текст поступил в редакцию 12.06.2023.

Принят к печати 11.07.2023.

Опубликован 28.03.2024.

References

1. Averintsev S.S. *Bahtin kak filosof* [M.M. Bakhtin as a Philosopher]. Moscow: “Nauka” Publ., 1992, pp. 7–19 (in Russian).
2. Byazrova D.B. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2022, no. 4, pp. 139–147 (in Russian).
3. Veselovsky A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow: Higher School, 1989, 406 p. (in Russian).
4. Yermolin D.S. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2022, no. 4, pp. 49–54 (in Russian).
5. Zabyako A.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2008, no. 2, pp. 166–178 (in Russian).
6. Zabyako A.A., Tsymkal O.E. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2018, no. 4, pp. 131–145 (in Russian).
7. Voronina A.S., Zabiako A.P., Zavadskaya Ye.A., Pelevina O.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2013, no. 2, pp. 122–150 (in Russian).
8. Panarin A.S. *Zavtra* [Tomorrow]. 2003, no. 16 (491) (in Russian).
9. Popova I.V. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2002, is. 4 (28), pp. 77–85 (in Russian).
10. Rasputin V.G. *Roman-gazeta* [Novel-Newspaper]. 1884, no. 17 (999) (collection), pp. 1–13 (in Russian).
11. Rasputin V.G. *Angara: literaturno-khudozhestvennyy i obshchestvenno-politicheskiy al'manakh* [Angara: literary, artistic and socio-political almanac]. 1967, no. 4: July–August, pp. 12–51 (in Russian).
12. Rasputin V.G. *U nas ostayetsya Rossiya: Ocherki, esse, stat'i, vystupleniya, besedy* [Russia remains with us: Essays, essays, articles, speeches, conversations]. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2015, pp. 417–448 (in Russian).
13. Rasputin V.G. *U nas ostayetsya Rossiya: Ocherki, esse, stat'i, vystupleniya, besedy* [Russia remains with us: Essays, essays, articles, speeches, conversations]. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2015, pp. 70–83 (in Russian).
14. Rasputin V.G. *U nas ostayetsya Rossiya: Ocherki, esse, stat'i, vystupleniya, besedy* [Russia remains with us: Essays, essays, articles, speeches, conversations]. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2015, pp. 589–597 (in Russian).
15. Rasputin V.G. *U nas ostayetsya Rossiya: Ocherki, esse, stat'i, vystupleniya, besedy* [Russia remains with us: Essays, essays, articles, speeches, conversations]. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2015, pp. 603–631 (in Russian).
16. Rasputin V.G. *U nas ostayetsya Rossiya: Ocherki, esse, stat'i, vystupleniya, besedy* [Russia remains with us: Essays, essays, articles, speeches, conversations]. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2015, 1200 p. (in Russian).
17. Rasputin V.G. *Sibir': literaturno-khudozhestvennyy i obshchestvenno-politicheskiy dvukhmesyachnik* [Siberia: literary-artistic and socio-political bimonthly]. 1981, no. 5, pp. 3–18 (in Russian).
18. Rachkov P.A. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University]. Series 7. Philosophy. 2006, no. 1, pp. 83–107 (in Russian).
19. Spitsyn E. *Khrushchovskaya slyakot'. Sovetskaya derzhava v 1953–1964 godakh* [Khrushchev slush. Soviet power in 1953–1964]. Moscow: Conceptual, 2019, 592 p. (in Russian).
20. Tolstoy L.N. *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical essays]. Comp. N.V. Veikshman. Moscow: Pedagogy, 1989, pp. 457–471 (in Russian).
21. Shukshin V.M. *Sobraniye sochineniy: V 6-ti t. T. 2. Komm. L. Anninskogo, L. Fedoseyevoy-Shukshinoy* [Collected Works: In 6 vols. Vol. 2. Comm. L. Anninsky, L. Fedoseeva-Shukshina]. Moscow: Mol. guard, 1992, 558 p. (in Russian).
22. Shukshin V.M. *Sobraniye sochineniy: V 3-kh t. T. 3. Rasskazy 1972–1974 godov. Povesti. Publitsistika. Komment. L. Anninskogo, L. Fedoseyevoy-Shukshinoy* [Collected Works: In 3 vols. T. 3. Stories 1972–1974. Tales. Publicism. Comment. L. Anninsky, L. Fedoseeva-Shukshina]. Moscow: Mol. guard, 1985, 671 p. (in Russian).

Submitted for publication: June 12, 2023.

Accepted for publication: July 11, 2023.

Published: March 28, 2024.